

DOI 10.15393/j9.art.2017.4501

УДК 821.161.1.09"18"

Вячеслав Анатольевич Кошелев

*Арзамасский филиал Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского
(Арзамас, Нижегород. обл., Российская Федерация)*

viacheslav.koshelev@mail.ru

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЛОВЕ И РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются различные интерпретации поэтического слова и возможностей воздействия писательского слова на людей, представленные в ряде высказываний А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Г. Р. Державина, Н. В. Гоголя, К. С. Аксакова. Показательно, что эти интерпретации исходили из того представления о Божественном Слове, которым открывается Евангелие от Иоанна, — и одновременно опирались на традиции, шедшие из представления о слове в устном народном творчестве. Поэтическое слово приобретает значительность только в том случае, когда оно становится необычным и ориентировано на неожиданные словесные ассоциации: только когда слово молвится не так, как принято, — оно становится высокой поэзией. Именно это евангельское (и сказочное) правило («То же бы слово, да не так бы молвил») позволило поэтическому слову стать универсальным принципом литературного развития.

Ключевые слова: слово человеческое, слово и дело, сказка, Слово Божие, Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь, К. С. Аксаков, высокая поэзия

В своих «Заметках о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого» К. А. Полевой рассказал грустную повесть о том, как был принят основной исторический труд его брата — «История русского народа»: «При появлении в свет каждого тома ее, она подвергалась самым пристрастным осуждениям, так что враги Николая Алексеевича, как, например, Погодин и Надеждин, не разбирали, а поносили и ругали ее, или, вернее, ругали ее автора» [8, 286–287].

Одним из критиков исторического труда Н. А. Полевого стал А. С. Пушкин, который в начале 1830 года принял активное участие в издании «Литературной газеты» А. А. Дельвига и не мог не откликнуться на только что вышедшую книгу, автор которой «напал на *Историю Государства Российского*»

боготворимого им Н. М. Карамзина: «Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость <...>, но первый признак ума просвещенного»¹. Помимо двух серьезных статей (опубликованных в выпусках газеты за 16 января и 25 февраля 1830 г.), Пушкин здесь поместил несколько анонимных каламбуров, в одном из которых назвал новую «Историю...» предназначенной «для *гостиного двора*» (XII, 178), а в другом — «очень удачным опытом» «забавной» пародии на исторические труды Ф. Гизо и О. Тьерри (XI, 118). В серьезных же статьях укорил Полевого в «удивительной опрометчивости» и журналистской недалёковидности (см.: XI, 119–127).

В постскриптуме ко второй статье Пушкин выразил неудовольствие разнужданным тоном «критик» Н. И. Надеждина и М. П. Погодина, в которых «брань доведена до исступления» и среди «грубых насмешек и ругательства нет ни одного дельного обвинения». Следует риторический вопрос: «Ужели так трудно нашей братье критикам сохранить хладнокровие?» (XI, 123–124).

И поэт советует «нашей братье» вспомнить «совет старинной сказки», показательный и значимый для него во многих отношениях:

То же бы ты слово,
Да не так бы молвил (XI, 124).

Перед нами прямая цитата из ритмизированной сказки «[Про] дурня» («Дурень») из Сборника Кирши Данилова («Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым»). Этот замечательный памятник русского фольклора был в библиотеке Пушкина [7, 34] и стал для него «одним из постоянных источников изучения народной поэзии» [9, 366]. Не прошел он мимо и цитированной сказки: оттуда, например, в «Сказку о царе Салтане» пришла «Баба-бабариха».

Сказка «[Про] дурня» была распространена в русском фольклоре. Ее текст, например, в обработанном виде вошел в составленную Л. Н. Толстым «Первую русскую книгу для чтения». Сказка о дурне, который говорит всё невпопад и от этого страдает, действительно поучительна. Но «совет», приведенный

Пушкиным, сам становится вроде бы «невпопад» с ее содержанием.

А жил-был дурень,
А жил-был бабин,
Вздумал он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати...

Заглядывает дурень «в подполье»; там черти гуляют — он им «Бог вам помочь», а те его «зачали бити, зачали давити». Пришел домой, жалуется «бабе-бабарихе», а та учит: «То же бы ты слово / Не так же бы молвил» — здесь нужно сказать: «Будь, враг, проклят / Именем Господним». Дурень обещает: «Потом я, дурень / Таков не буду» — и произносит работающим на лугу крестьянам проклятие, предназначенное чертям. Те его тоже бьют; в следующий раз баба поправляет: надо было сказать то-то и то-то — и так далее. На похоронах дурень, бабой наученный, желает веселья и процветания («Пó сту на день, / По тысячу на неделю!»); на свадьбе — «Царство небесное, / В земли упокой». А «баба-бабариха» продолжает учить с приговоркой: «То же бы слово / Не так же бы молвил». Во всех ситуациях дурень молвит как раз *не то* слово. В конце концов, после совсем уж неуместного «слова»

Наехали на дурня салдаты,
Набежали драгуны,
Стали дурня бити,
Стали колотити,
Тут ему, дурню,
Голову сломили
И под кокору бросили².

Понятие *слово* в сказке вообще толкуется по-особенному, с архаическим, сакральным оттенком. Во всех конкретных ситуациях дурень произносит именно *не то* слово, которое требуется, — а «баба-бабариха» настаивает, что само слово правильное, только произнесено *не так*! И задним числом подсказывает то «правильное» слово, которое требовалось

молвить — и которое «не срабатывает» в другой конкретной ситуации...

Как видим, одно и то же представление о *слове* используется различно. Пушкин, согласный с существом высказанных критиками «слов», возмущился разнuzданностью того тона, с которым они подошли к слову. Позднее то же выражение из той же сказки применялось к еще более интересной ситуации.

В 1852 году московским славянофилам удалось добиться разрешения на издание «Московского Сборника». Учение славянофилов еще только формировалось — и с «титულიной» основной статьей («О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России»)³ выступил лидер кружка И. В. Киреевский. Статья вызвала несогласие у других славянофилов. Редактор «Московского Сборника» И. С. Аксаков в письме И. С. Тургеневу от 29 мая 1852 года посчитал нужным заметить: «Знайте, что ни Константин, ни я, ни Хомяков не подписались бы под этою статьей»⁴. А. С. Хомяков, другой славянофильский лидер, выступил со специальным «дополнением» («По поводу статьи И. В. Киреевского...»). Оно осталось не напечатанным («Московский Сборник» был запрещен цензурой), но в кругу единомышленников Хомяков его читал и обсуждал. К. С. Аксаков в письме к Ю. Ф. Самарину заметил:

Хомяков был у нас и читал нам статью, дополнительную к статье Киреевского. Прекрасная статья; я с нею согласен, но, как я сказал Хомякову:

То же бы слово
Да не так бы молвил.

В том, как представлено и изложено им его мнение, я не согласен⁵.

Контекст использования «сказочного» представления о *слове* здесь иной и чем в сказке, и чем у Пушкина. Речь идет о форме словесного выражения мысли — и К. Аксакова смущает не «развязность», а «примирительность» Хомякова, не желавшего обидеть своего единомышленника и приятеля. Хомяков не согласен ни со слишком «строгой систематизацией» рассуждений Киреевского, ни с преувеличением значения

древнего русского православия, — но в своем «дополнении» весьма осторожен: «Статья г-на Киреевского, определяя задачу и отчасти уясняя ее, приготовляет, может быть, ее решение, но не имеет и не может иметь притязания разрешить ее вполне» [11, 197]. Аксаков же ожидает как будто более острой полемики: «...не так бы молвил»!

Разные контексты, в которых используется одно и то же «неточное» выражение из народной сказки, свидетельствуют о странной нравственной традиции отношения к *слову*, которая оформилась в русской культуре. Во всех приведенных случаях как будто предполагается существование универсального *Слова*, заявленного в «Евангелии от Иоанна»: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:1–5). В этом, евангельском, смысле под *Словом* разумеется *Сын Божий*: «И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин. 1:14). Детальный анализ евангельского представления об универсальном *Слове* дал, например, В. А. Жуковский в одной из позднейших своих заметок («Две сцены из “Фауста”», 1849):

Никакой человеческий ум не придумает ничего выше и всеобъемнее этого дивного евангельского «*слова*»; с ним наряду можно поставить только то, которое слышал Моисей из пламенной купины: *Аз есмь сый*. В сем последнем изображен Бог без всякого отношения к созданию; в *слове* евангелиста изображен Бог-создатель во времени и вечности. Выражение *слово* (logos) разом объемлет и то и другое. <...> Слово человеческое рождается вместе с мыслью, мало-помалу развивается, приобретает более и более определенную духовную форму и наконец, чтобы перейти в действие *внешнее*, в *сообщение*, из духовного образа переоблачается в образ материальный, в звук; во всем этом есть начало, развитие, постепенность; здесь виден характер ограниченного, временного, человеческого. Слово Божие, напротив, есть Бог — и Бог как творец и Бог как творение, от века бывшее в Боге и с Богом, из воли его истекшее и в Нем заключенное, но с Ним неслиянное и с Ним не тождественное, имевшее начало,

ибо оно творение, и безначальное, ибо оно есть *непосредственное* Божие творение, а Бог действует в вечности, в которой *было, есть и будет* — одно и то же [6, 351–352].

Но универсальное Слово оказывается совсем не похожим на слово обыденное. Последнее формально определялось в «Словаре Академии Российской» (1794) как «всякое речение, состоящее из известного числа складов и служащее знаком изобразительным какой-либо вещи»⁶. Человек существует как «словесное животное», не свободное ни от «пустословия», ни от «баснословия», ни от «лжесловия», ни от «злословия», ни от «празднословия», ни от «прекословия», ни от «сквернословия», ни от «суесловия», ни от «срамословия», ни от «тщесловия» — все эти неблагоприятные данности тоже от слова происходят.

Одно из своих «заветных» публицистических сочинений, структурно организовавших книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» (1846), Н. В. Гоголь назвал «О том, что такое слово». Здесь ставится проблема слова как дела — Гоголь апеллирует к афоризму Пушкина:

Пушкин, когда прочитал следующие стихи из оды Державина к Храповицкому:

За слова меня пусть гложет,
За дела сатирик чтит, —

сказал так: «Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела» (курсив мой. — В. К.). Пушкин прав. Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще.

Выделенный афоризм Пушкина известен только по этому источнику: подобного однозначного утверждения нет в его сочинениях и письмах — и не исключено, что Гоголь сам его придумал. И выстроил на его основе целую концепцию об особенной ответственности писателя за сказанное им слово: «Потомству нет дела до того, кто был виной, что писатель сказал глупость или нелепость...». Приводится ряд примеров: тот же Державин, который «слишком повредил себе тем, что не сжег, по крайней мере, целой половины од своих», или «приятель наш П<огоди>н», который слишком торопливо

составляет журнал. И вывод: «Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших!» [2, 19–22].

Но, если разобраться, Державин не противопоставлял *слово* и *дело* поэта, а демонстрировал непростое взаимодействие поэтического слова и житейского дела. Интересны обстоятельства создания послания «Храповицкому». В декабре 1791 года Державин был назначен статс-секретарем императрицы. Для работы поэту отвели комнату во дворце рядом с комнатой его старого приятеля, тоже кабинетского секретаря, А. В. Храповицкого, умного, образованного человека, талантливого писателя — но, в отличие от Державина, вполне «дворского», то есть умевшего существовать «близ трона». Он уже десять лет служил в качестве «литературного помощника» императрицы — и та не могла нахвалиться его расторопностью и даром «слова и слога».

Екатерина не сразу разглядела, что Державин свято уверен, что перед лицом закона все равны: и «вельможа в случае», и последний подданный. А поэт, впервые близко увидевший «богоподобную царевну», не мог легко расстаться с созданным его фантазией идеалом, а потому был к ней требовательнее, чем к кому-либо другому. Ни к чему хорошему это привести не могло. Скоро оказалось, что дела у Державина для императрицы вообще «были все роду неприятного, то есть прошения на неправосудие, награды за заслуги и милости по бедности», и она «стала его редко призывать» [3, 631].

Показателен анекдот, переданный в записках М. А. Дмитриева:

Императрица поручила ему рассмотреть счета одного банкира <...>. Прочитывая государыне его счета, он дошел до одного места, где сказано было, что одно высокое лицо, не очень любимое государыней, должно ему такую-то сумму. «Вот как мотает! — заметила императрица: — и на что ему такая сумма!» — Державин возразил, что кн. Потемкин занимал еще больше, и указал на счетах, какие именно суммы. — «Продолжайте!» — сказала Государыня. — Дошло до другой статьи: опять заем того же лица. — «Вот опять!» — сказала императрица с досадой: — мудрено ли после этого сделаться банкротом!» — «Кн. Зубов занял больше», — сказал Державин и указал на сумму. Екатерина вышла из терпения и позвонила. Входит камердинер. — «Нет

ли кого там, в секретарской комнате?» — «Василий Степанович Попов, ваше величество». — «Позови его сюда». — Попов вошел. — «Сядьте тут, Василий Степанович, да посидите во время доклада; этот господин, мне кажется, меня прибить хочет»... [5, 36].

На посту кабинетского секретаря Державин продержался меньше двух лет — и особенно гордился теми *делами*, которые сумел сделать (например, добиться оправдания иркутского наместника И. В. Якоби). При этом он понял, что был приближен лишь для того, чтобы писать для Екатерины стихи «в роде оды Фелице» [3, 632]. Однако, ближе узнав императрицу, «не мог он воспламенить так своего духа»:

Сколько раз ни принимался, сидя по неделе для того запершись в своем кабинете, но ничего не в состоянии был такого сделать, чем бы он был доволен: все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, как у прочих цеховых стихотворцев, у коих только слышны *слова, а не мысли и чувства* (курсив мой. — В. К.) [3, 693–694].

Стихотворных посланий к «соседу по кабинету» Храповицкому у Державина *два*. В первом из них (1793) он пишет, что не может написать стихотворной хвалы «владычице киргизской»: «Богов певец / Не будет никогда подлец»⁷. Что же касается самого Храповицкого, то: «Ты сам со временем осудишь / Меня за мгlistый фимиам...»⁸. Получать царские милости за фальшивые оды — последнее дело. В позднейших «Записках» он указал, что так и «не собрался с духом и не мог таких ей тонких писать похвал, каковы в оде Фелице и тому подобных сочинениях <...> охладел так его дух, что он почти ничего не мог написать горячим чистым сердцем в похвалу ее» [3, 654].

Второе послание Храповицкому (которое цитирует Гоголь) создано уже после смерти Екатерины. В 1797 году Храповицкий, попавший при Павле I в опалу, написал «любезному автору» Державину большое послание, в котором упрекнул «орла державного» в лести былым, ныне ставшим не в чести, вельможам. «Я твой же стих напоминаю», — пишет Храповицкий, имея в виду прежнее признание Державина в невозможности неискренних «хвалений» в стихах. Подобную претензию можно предъявить и Храповицкому, хвалившему

Зубовых, которых «дела не громки», Потемкина, который «Россию продавал» («У нас цари не Лудовики / И не министрами велики...»⁹). В самом деле, в стихах Державина несложно отыскать образчики «лести»: «Победителю», «К красавцу», «На покорение Дербента»...

В ответном послании Храповицкому Державин высказал горькие истины о положении поэта в России: «Где чертог найду я правды? / Где увижу солнце в тме?»¹⁰. Может ли в России поэт, призванный быть свободным, как «орел», ощутить свою независимость от сильных мира сего? Чем выше его покровитель стоит на чиновной лестнице, тем большим «рабом» перед ним оказывается поэт. М. Л. Гаспаров, исследуя историю русского стиха, выделил послание «Храповицкому» 1797 года как образец шестистишной суперстрофы, соединенной с соседней рифмовкой по типу: АБАБВг + ДеДеВг [1, 98], где ожидание созвучий усиливало семантику:

Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильным угождать,
Их любимцам поклоняться,
Словом, взглядом их ласкать,
Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить.

Извини ж, мой друг, коль лестно
Я кого где воспевал:
Днесь скрывать мне тех бесчестно,
Раз кого я похвалял.
За слова — меня пусть гложет,
За дела — сатирик читит (курсив мой. — В. К.)¹¹.

Восприятие *дела* поэта, отделенного от его же *слова*, вступало в звуковое соответствие с положением поэта — *раба*, который даже и в открытом «хвалении» не может не выступать как лстец. *Рабскому слову* доверяться нельзя, — а *свободное слово* где же взять?

В этой ситуации Державин, во-первых, отделяет *слово* от *дела*. Это отнюдь не означает, что под *делом* разумеется его чиновничья или губернаторская деятельность — хотя по службе поэт дослужился до чина действительного тайного советника. Просто в памяти людей его поколения еще сохранился

страшный смысл знаковой антиномии «слово и дело», распространившийся в практике российского бытия XVII–XVIII столетий. В «Академическом словаре», созданном в «державинские» времена, понятие «слово и дело» определялось так: «Выражение старинное, до тайных дел касавшееся и означавшее донос на кого по двум первым пунктам; после крайне злоупотребительное, а напоследок яко ненавистное изображение манифестом великой и милосердой *ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II* 1762 года Октября 19 дня уничтожено и запрещено употреблять с наказанием продерзников на то»¹².

Но, провозглашая раздельное восприятие двух членов этой знаковой антиномии, Державин определяет и место высокого поэтического *слова*, воспринятого безотносительно дела — ведь и слово должно помогать в жизни. Определяя значение сказанных им самим поэтических слов в стихотворении «Памятник» (1796), он настаивает на их специфике:

Что первый я дерзнул в забавном Русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить¹³.

Не просто прославить императрицу — а сделать это «в забавном Русском слоге» (курсив мой. — В. К.), который предполагал полный отказ от традиционной иерархической системы «трех штилей», полное уничтожение жанровых перегородок и введение особого рода шутилой «игры» в «киргиз-кайсацкую» царевну и ее «мурзу-пиита». Установка эта была сознательной — о чем Державин с гордостью написал в «Объяснениях на сочинения...»: «Автор из всех российских писателей был первый, который в простом забавном легком слоге писал лирические песни и шутя прославлял императрицу, чем и стал известен» (курсив мой. — В. К.) [4, 656]¹⁴. И далее: не просто восхвалять величие Божие, но делать это «в сердечной простоте» и в форме беседы. И даже изрекать нравственные «истины царям» — с улыбкой!¹⁵

Поэтическое *слово* обретает «известность» и успех только в том случае, когда оно становится *необычным* и «выламывается» из существующей традиции произнесения. Только в том

случае, когда слово молвится *не так*, как принято, — оно становится высокой поэзией. В общей поэтической установке на «обновление словесных ассоциаций» (см. об этом: [10, 9–14]) интересующее нас сказочное правило — «*То же бы слово, да не так бы молвил*» — становится универсальным принципом литературного развития и — шире — литературного дела.

Примечания

- ¹ Пушкин А. С. <История русского народа, сочинение Николая Полевого> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. XI: Критика и публицистика, 1819–1834. 1949. С. 120. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома (римской цифрой), страницы (арабской) в круглых скобках.
- ² Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977. 488 с. (Литературные памятники). С. 202–208.
- ³ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России (Письмо к Г. Е. Е. Комаровскому) // Московский Сборник. 1852. С. 1–68.
- ⁴ Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу. М.: Университетская типография, 1894. С. 26.
- ⁵ Письма К. С. Аксакова к Ю. Ф. Самарину // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 5. Ед. хр. 33. Л. 103–103 об.
- ⁶ Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: При Императорской Академии наук, 1794. Ч. 5. Ст. 533.
- ⁷ [Державин Г. Р.] Храповицкому // Сочинения Державина: [в 9 т.] / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. СПб.: В тип. Имп. Акад. Наук, 1864–1883. Т. 1: Стихотворения, ч. 1: [1770–1776]: с рис., найденными в рукописях, с портр. и снимками. 1864. С. 545 [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/pdf/derzhavin_sochineniya_tom1_1864__ocr.pdf
- ⁸ Там же. С. 546.
- ⁹ Храповицкий А. В. Любезному автору Г. Р. Д. // Сочинения Державина: [в 9 т.]. Т. 2: Стихотворения, ч. 2: [1797–1808]. СПб.: В тип. Имп. Акад. Наук, 1865. С. 50 [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/pdf/derzhavin_sochineniya_tom2_1865__ocr.pdf
- ¹⁰ [Державин Г. Р.] Храповицкому // Сочинения Державина: [в 9 т.]. Т. 2. С. 46.
- ¹¹ Там же. С. 47.
- ¹² Словарь Академии Российской. Ст. 535.
- ¹³ [Державин Г. Р.] Памятник // Сочинения Державина: [в 9 т.]. Т. 1. С. 787–788.
- ¹⁴ См. также: Что первый я дерзнул в забавном русском слогe / О добродетелях Фелице возгласить ([Державин Г. Р.] Памятник // Сочинения Державина: [в 9 т.]. Т. 1. С. 785).
- ¹⁵ Там же. С. 788.

Список литературы

1. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. — М.: Наука, 1984. — 319 с.
2. Гоголь Н. В. О том, что такое слово: (Письмо к Л**) // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. — М.: Русская книга, 1994. — Т. 6. — С. 19–22.
3. [Державин Г. Р.] Записки // Сочинения Державина: [в 9 т.] / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. — СПб.: В тип. Имп. Акад. Наук, 1871. — Т. 6. — С. 405–829.
4. [Державин Г. Р.] Объяснения на сочинения Державина... // Сочинения Державина: [в 9 т.] / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. — СПб.: В тип. Имп. Акад. Наук, 1866. — Т. 3: Стихотворения, ч. 3. — С. 592–828.
5. [Дмитриев М. А.] Мелочи из запаса моей памяти. М. А. Дмитриева. — М.: Издание Русского Архива; Тип. Грачева и Комп., 1869. — 299 с. [Электронный ресурс]. — URL: http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003582237/viewer/ (26.04.2017).
6. Жуковский В. А. Две сцены из «Фауста» // Жуковский В. А. Эстетика и критика. — М.: Искусство, 1985. — С. 351–355.
7. Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. — XIX + 441 с.
8. Полевой К. А. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Николай Полевой: материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. — Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. — С. 93–354.
9. Путилов Б. Н. Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 513–565.
10. Томашевский Б. В. Теория литературы (Поэтика). — [М.; Л.]: ГИЗ, 1928. — 240 с.
11. [Хомяков А. С.] По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Полн. собр. соч.: в 8 т. — М.: Университетская типография, 1900. — Т. 1. — С. 197–262.

Vyacheslav A. Koshelev

Arzamas Branch of Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod
(Arzamas, Nizhny Novgorod region, Russian Federation)

viacheslav.koshelev@mail.ru

AN EVANGELICAL CONCEPTION OF THE WORD AND RUSSIAN POETRY

Abstract. The article envisages various interpretations of a poetic word and of the possibilities of the impact of a writer's word on people appeared in some statements of A. S. Pushkin, V. A. Zhukovsky, G. R. Derzhavin, N. V. Gogol, K. S. Aksakov. It is revealing that these interpretations derived from the idea of the Divine Word that opens the Gospel of John, and at the same time drew on old traditions coming from the idea of a word in verbal folklore. The poetic word assumes importance only if it becomes uncommon and oriented at unexpected verbal associations: not until the word is said in an unconventional way, it becomes sublime poetry. It is this Evangelical (and fantastic) rule ("It would be good if the same word were said in another way") allowed the poetic word to become a commonly used principle of literary evolution.

Keywords: Human word, a word and a deed, fairy tale, Divine word, G. R. Derzhavin, V. A. Zhukovsky, N. V. Gogol, K. S. Aksakov, sublime poetry

References

1. Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika, ritmika, rifma, strofika* [An Essay on the History of Russian Verses: Metrics, Rhythms, Rhyme, Strophics]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 319 p. (In Russ.)
2. Gogol' N. V. About What a Word Is. In: *Sobranie sochineniy: v 9 tomakh* [Collected Works: in 9 Vols]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994, vol. 6, pp. 19–22. (In Russ.)
3. Derzhavin G. R. Notes. In: *Sochineniya Derzhavina: v 9 tomakh* [Derzhavin's Works: in 9 Vols]. St. Petersburg, Edition of the Imperial Academy of Sciences, In the Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1871, vol. 6, pp. 405–829. (In Russ.)
4. Derzhavin G. R. Explanations to the Works of Derzhavin... In: *Sochineniya Derzhavina: v 9 tomakh* [Derzhavin's Works: in 9 Vols]. St. Petersburg, Edition of the Imperial Academy of Sciences, In the Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1866, vol. 3: Verses, part 3, pp. 592–828. (In Russ.)
5. Dmitriev M. A. *Melochi iz zapasa moey pamyati*. M. A. Dmitrieva [Little Things From the Stock of My Memory. M. A. Dmitriev]. Moscow, Edition of the Russian Archive, Printing House of Grachev and Company, 1869. 299 p. Available at: http://xn--90ax2c.xn--plai/catalog/000199_000009_003582237/viewer/ (accessed 26 April 2017). (In Russ.)

6. Zhukovskiy V. A. Two Scenes From "Faust". In: *Estetika i kritika [Aesthetics and Criticism]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985, pp. 351–355. (In Russ.)
7. Modzalevskiy B. L. *Biblioteka A. S. Pushkina (Bibliograficheskoe opisanie) [A. S. Pushkin's Library (Bibliographic Description)]*. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1910. 441 p. (In Russ.)
8. Polevoy K. A. Notes on Life and Works of Nikolai Alekseevich Polevoy. In: *Nikolay Polevoy: materialy po istorii russkoy literatury i zhurnalistiki tridtsatykh godov [Nikolai Polevoy: Materials on the History of Russian Literature and Journalism of the Thirties]*. Leningrad, Izdatel'stvo pisateley v Leningrade Publ., 1934, pp. 93–354. (In Russ.)
9. Putilov B. N. The Collection of Kirsha Danilov and His Place in Russian Folklore. In: *Drevnie rossiyskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym [Ancient Russian Poems Collected by Kirsha Danilov]*. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 513–565. (In Russ.)
10. Tomashevskiy B. V. *Teoriya literatury (Poetika) [Theory of Literature (Poetics)]*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1928. 240 p. (In Russ.)
11. Khomyakov A. S. About I. V. Kireevsky's Article "On the Nature of the Enlightenment in Europe and Its Relation to the Enlightenment in Russia". In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 8 tomakh [Complete Works: in 8 Vols]*. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1900, vol. 1, pp. 197–262. (In Russ.)